

РЕЦЕНЗИИ

НЕМЕТОВА ЭВА. ВЛАДИМИР НАБОКОВ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА. — Нитра: Штудио F, 2009. — 292 с.

Эва Неметова шла к рецензируемой монографии непрямым и долгим, но исключительно интересным путем. Еще в 2003 году в журнале «Русский язык в центре Европы» появилась статья «Принцип паралогии в контексте русского постмодернизма» (1). Издание Ассоциации русистов Словакии (АРС) традиционно много внимания уделяет вопросам возникновения и развития постмодернизма в эру глобализации в целом и русско-инославянского диалога культур на рубеже XX—XXI вв. в частности. Оно регулярно предоставляет свои страницы М.М. Голубкову, А.С. Карпову, И. Поспишилу, И. Рычловой, И. Скоропановой, А. Червеныку и др. (2). Тем не менее молодая словацкая исследовательница заставила обратить на себя внимание добросовестной научной въедливостью в фактологию и широтой компаративистского горизонта, а ее статья не затерялась в тени работ филологических мэтров.

Уже первый филологический взгляд на монографию «Владимир Набоков в контексте постмодернизма», на библиографию оставляет приятное впечатление: в списке указаны 192 работы на русском, английском, немецком, словацком, французском и чешском языках. В том числе фундаментальные труды Р. Барта, Г. Гадамера, М. Липовецкого, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассета, В.П. Руднева, И.С. Скоропановой, Г.П. Струве, П.А. Флоренского, О. Шпенглера, У. Эко, а также В.В. Кандинского, А.Е. Кручёных, К.С. Малевича и др. Позже, по прочтении книги, понимаешь, что перечень использованных источников автору стоило бы включить и тех философов, культурологов, литературных критиков и литературоведов, на чьи сочинения Э. Неметова активно ссылается в тексте: Т. Адорно, М.М. Бахтина, Ж. Дерриду, Г.В. Иванова, Ю.М. Лотмана, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова. В этом случае, с одной стороны, библиография вплотную приблизилась бы к трем сотням позиций, но с другой — несомненно, выиграла бы в основательности.

Фундаментальный подход исследовательницы к поднятой теме сказался в общей композиции: практически половину книги составляют обширные главы

«XX век: метаморфозы искусства» (с. 6—82) и «Постмодернизм в России» (с. 83—109). Философско-культурологические главы ничуть не портят общее впечатление, не утяжеляют материал и не уведут от главной линии. Напротив, в условиях, когда самоописание культурного процесса рубежа XX—XXI вв. далеко от завершения и в интеллектуальных кругах ярлык «постмодернизм» легко прилагается к принципиально различным явлениям (3), когда даже хронологические границы зарождения постмодернистской парадигмы разные авторы варьируют в диапазоне 25—30 лет, попытка Э. Неметовой логически четко выстроить терминологию и систему координат своего видения проблемы и тем самым избежать «вавилонского смешения» смыслов вполне оправдано («Человечество избежало бы половины ошибок, если бы люди договорились о терминах». *Андре Моруа*).

Следуя по намеченному пути *ab ovo*, словацкая исследовательница последовательно ставит вопросы: какова история терминов «авангард», «модернизм», «постмодернизм»? каковы хронологические рамки и периодизация каждого? на каких критериях можно выстроить классификацию отмеченных явлений? Импонирует, что для решения этих вопросов привлекается большой объем материала из смежных с литературой областей философии, культурологии, семиотики, естественных наук и художественного творчества. По сути, в рассуждениях постепенно автор выходит на проблематику адекватной реконструкции постмодернистской «картины мира» и непосредственной связанными с нею темами «мета-языка и самоописания», концепциями хаоса и гармонии, пределов ее релятивизма, плюрализма и химеричности продуцируемых «культурных ценностей».

Русистам — литературоведам, методистам-практикам и лингвистам — исключительно интересны будут рассуждения Э. Неметовой о периодизации русского постмодернизма в контексте, с одной стороны, теоретических выкладок Ж.-Ф. Лиотара, Ф. Бодрийара, Ф. Фукуямы и иных философов и социологов, размышлявших о природе эпохи *modernity*, с другой — попыток приложить выработанные на историческом опыте Запада культурологические клише и формулы бытия к специфическим реалиям России и Русского Зарубежья конца 1960—1990-х гг. (от «оттепели» до «перестройки» и далее) и оценки применимости термина «постмодернист» к конкретным литературным явлениям и именам тех десятилетий. Уверена, что некоторые из наблюдений словацкой исследовательницы можно применить в практике преподавания русской литературы как иностранной.

Если первую часть монографии «Владимир Набоков в контексте постмодернизма» характеризуют строго выстроенный терминологический и методический аппарат, то вторую — главы «Кристаллизация литературной личности В. Набокова» и «Попытка дидактической и методической интерпретации В. Набокова» — по-набоковски изящные логико-поэтические «узоры».

Третья глава рассматривает жизнь писателя как три витка спирали судьбы. Первый виток — раннее творчество Набокова-Сирина (4), поэтика «метаромана». Второй виток — антитезис, выход на «металитературный уровень», принцип «зеркальности» и «ключи тайн», «Защита Лужина» и «Приглашение на казнь» (в мень-

шей мере, к сожалению, «Дар»). Третий виток — синтез и новый тезис, англоязычный период творчества, «зарождение и инспирация современного постмодернизма».

Предложенная метафора спирали судьбы позволяет, не теряя связи с теоретическими схемами первых глав, провести тонкий анализ переплетения биографизма в творчестве Набокова с fiction, литературными и внелитературными мистификациями и дистанцированием писателя от создаваемых им текстов.

Могу предположить, что Э. Неметова, создавая свою книгу на русском языке, особенно остро прочувствовало столь важный для Набокова момент личностного становления как самовыражение в творчестве на неродном языке, альтерлингвальное творчество (5). (Неслучайно в работах о Набокове как русском американце и *multilingual Russian-American novelist*'е, в спорах «о национальной принадлежности писателя» часто цитируют его высказывание: «Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию... Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце — по-русски, и мое ухо — по-французски».) Поэтому в книге несколько раз со знанием дела затрагивается вопрос о взаимодействии разноязыковых стихий. С одной стороны, отмечается (вслед за статьей Г. Левингтона “Importance of Being Russian” (6)), «читатель, не знающий русского языка, не знакомый с русской литературой и культурой, очень многое теряет при чтении англоязычной прозы Набокова потому, что слишком многое в ней останется для него непонятным» (с. 182), с другой — ставится на перспективу вопрос о том, что в «русских произведениях» писателя-англо-и франкофона ускользает от понимания его соотечественников. Остается открытым вопрос: в какой мере можно говорить о романах *Pnin*, *Pale Fire*, *Ada or Ardor: A Family Chronicle* и др. шедеврах набоковского творчества американского периода как о фактах русской иноязычной литературы (по аналогии со средневековыми латиноязычными литературами западных славян, персоязычной поэзией древнего Азербайджана или франкоязычным романом «Рукопись, найденная в Сарагосе» Яна Потоцкого, поляка на русской службе)?

В межкультуральном ключе Э. Неметова решает сверхзадачу главки «Герой прозаических произведений В. Набокова — „пошлость“». Действительно, Набоков не раз возвращался в своих работах («Пошляки и пошлость»), в лекциях перед американскими студентами и в интервью к объяснению слова *poshlost'*, не имеющего ни в английском, ни во французском языках явной параллели (7).

Но в целом *интерлингвальность* набоковских произведений не ставится автором в качестве центральной проблемы. Развитие этой, несомненно, интересной, перспективной, но, к сожалению, пока мало проработанной в литературоведении темы увело бы далеко в сторону от намеченной цели...

Между тем Э. Неметова завершает свою книгу главой «Попытка дидактической и методической интерпретации В. Набокова». Эта методико-практическая часть монографии будет особенно ценна на занятиях РКИ и русской литературы в иноязычной аудитории. Представляется чрезвычайно интересным опыт включения рассказа «Круг» в программу словацких средних школ и методическая проработка такого урока.

Основательность рецензируемой работы проявилась и здесь: судя по библиографии, автор внимательным образом изучила программы по литературе в школах России в аспекте представленности в них творчества В.В. Набокова и отдельных его произведений. Можно только пожалеть, что в книге интервью с Ярославом Брозом об опыте преподавания Набокова в гимназии в г. Тврдошин (Словакия) и постановки «Приглашения на казнь» в школьном театре дано без перевода на русский язык.

Искренне жаль, что тираж в 200 экземпляров автоматически делает книгу «Владимир Набоков в контексте постмодернизма» библиографической редкостью. Остается надеяться, что со временем книгу Э. Неметовой можно будет найти в фондах РГБ, РНБ, ВГБИЛ, ИНИОН, библиотек ИРЛИ, ИМЛИ, университетских библиотек.

В случае переиздания автору предстоит небольшая, но необходимая редакторская доработка (опечатки и иные корректорские погрешности время от времени режут глаз, но не влияют на содержательную сторону текста). Возможно, стоило бы сохранить издательскую находку — обложка с картиной О. Кандаурова «Набоков» прекрасно смотрелась бы и на прилавках «Академкниги».

Но главное, что после книги Э. Неметовой хочется еще раз вернуться к томикам Набокова, под новым углом зрения взглянуть в его героев, сюжеты, стилистические узоры и интеллектуальные парадоксы, переосмыслить пережитое.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Неметова Э.* Принцип паралогии в контексте русского постмодернизма // Русский язык в центре Европы. № 13. — Банска Быстрица: Ассоциация русистов Словакии, 2003. — С. 60—69.
- (2) *Голубков М.М.* Литературные ретроспекции: вторая половина века. Рубеж 1980—1990-х годов: в предвестии постмодернизма // РЯВЦЕ. — 2005. — № 8. — С. 46—58; *Карпов А.С.* Литературная ситуация в сегодняшней России // РЯВЦЕ. — 2007. — № 10. — С. 50—55; *Рычлова И.* Пьеса В. Сигарева «Пластилин» в глазах чешского реципиента // РЯВЦЕ. — 2009. — № 12. — С. 79—87; *Скоропанова И.С.* Игра смысла и нонсенса в поэме Михаила Сухотина «Дыр бул щыл по У Чэн-Эню» // РЯВЦЕ. — 2006. — № 9. — С. 61—72; *Скоропанова И.С.* Проблема клонирования в рассказе Владимира Сорокина «Ю» // РЯВЦЕ. — 2005. — № 8. — С. 61—72. Мощный импульс такой направленности редакционной политики задала подборка в № 5 (2002): *Червеняк А.* Эссе о русской литературе в период глобализации (С. 79—92); *Постишил И.* Литературоведение и славистика в период глобализации: методологические сдвиги (С. 93—102); *Антоняк А.* Современная русская литература в контексте культуры (С. 103—109); *Черевка В.* Рецепция русской литературы в начале XX века и сегодня: дистанция столетия (С. 110—114).
- (3) См.: «„Им (т.е. постмодернизмом) пишет всякий“». Внешние приметы постмодернистского письма — вроде цитатности, монтажа различных дискурсов, расширения категории текстуальности, разного рода трансгрессий — сегодня не пользуется только ленивый... Так называемые постмодернистские приемы давно уже *органически* усвоены писателями как модернистской (Шишкин, Полянская), так и реалистической (Маканин), как романтической (Дмитриев), так и натуралистической (Королёв, Эппель) или даже сентименталистской (Улицкая) закалки» (*Липовецкий М.* ПМС (постмодернизм сегодня) // Знамя. — 2002. — № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/5/lipov.html>
- (4) Интерес представляет даже такое небольшое отступление, как рассказ о происхождении псевдонима «Сирин».

- (5) О соотношении терминов альтерлингвизм (alterlinguism) и плюрилингвизм (plurilinguism) см.: Коренькова Т.В. Типология иноязычной литературы эмиграции: интеграция в чужой мир или/и передача национальной культуры // Безопасность Евразии. — 2008. — № 2 (32). — С. 341—346.
- (6) Название статьи само по себе несет элемент межъязыковой игры, отсылая англоязычного читателя к пьесе О. Уайльда «The Importance of Being Earnest» (в русском переводе «Как важно быть серьезным»).
- (7) См.: *Boym Svetlana. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia.* — Harvard University Press, 1994. — P. 41—65.

Т.В. Коренькова,

кандидат филологических наук

доцент кафедры русской и зарубежной литературы

филологического факультета РУДН